DOI: 10.17976/jpps/2023.03.06
EDN: IVCKXX

ПОНЯТИЕ “НЕЗАВИСИМОСТЬ” В ОФИЦИАЛЬНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ ГЛАВ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А.А. Алимджанов

АЛИМДЖАНОВ Абдуазиз Абдихакимович, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, email: ffortunatov@mail.ru

Алимджанов А.А. 2023. Понятие “независимость” в официальных выступлениях глав государств Центральной Азии. *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 70-85. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.06. EDN: IVCKXX

Статья поступила в редакцию: 07.07.2022. Принята к публикации: 15.11.2022

Аннотация. “Независимость”, являясь философской категорией, в политологии и политическом дискурсе обретает конкретизацию в виде привязки к понятию “суверенитет”. Автор на примере постсоветских стран Центральной Азии рассматривает динамику изменения понятия “независимость” и попытки его концептуализации. Материалом для исследования послужили поздравительные речи президентов республик ЦА в День независимости. Целью этих речей является “раскрытие” значения независимости для населения. Речи президентов проанализированы с помощью качественного контент-анализа с привлечением необходимого исторического контекста. Статья построена на предположении, что мобилизационный и интеграционный потенциал понятия “независимость” нивелируется его нарративизацией. В статье рассматривается несколько этапов осмысления понятия “независимость”: 1) советское понимание суверенитета и Конституция СССР; 2) трактовка понятия интеллигенцией в перестроечное время, 3) трактовка авторами СНГ в 1991 г., радикализировавшими понятие, и 4) постсоветское официальное президентское понимание. Автор приходит к выводу, что понятие “независимость” по-прежнему нуждается в концептуализации, поскольку через нарративы не обрело системного понимания, оно не было определено через существенные признаки и проявления в политической жизни обществ стран постсоветской Центральной Азии. Не были артикулированы и убедительно интерпретированы причины и следствия событий 1991 г.

Ключевые слова: независимость, суверенитет, политический дискурс, нарратив, мифологизация, концептуализация, мобилизационный и интеграционный потенциал Центральной Азии.

Введение

После дезинтеграции СССР перед практиками и исследователями государств Центральной Азии (далее – ЦА) возникла необходимость концептуализировать[1] возникающие политические понятия, важнейшим из которых оказалась независимость, однако попытки такого онтологического наполнения не были удачны.

Цель статьи – описать и проанализировать попытки концептуализации понятия “независимость” в ЦА, показать его истоки и постсоветские интер-

[1] Под концептуализацией понимается “...процесс, с помощью которого мы формируем, организуем, структурируем наши знания о мире, и результаты этого процесса в той или иной мере отражаются в языке” [Беседина 2010: 35].

претации на материале выборки речей президентов стран региона ко Дню независимости за 30 лет, относящихся к жанру поздравительных текстов. Объектом исследования выступает политический дискурс лидеров стран ЦА, а предметом – концептуализация президентами стран ЦА понятия "независимость". Статья построена на предположении, что исторической и правовой точкой отсчета развития понятия выступает советское понимание суверенитета и Конституция СССР, а также то, что независимость не обретает необходимый онтологический статус из-за нарративизации понятия вместо концептуализации. Как результат, понятие "независимость" оказывается слабым в том смысле, что оно не может стать ни ядром мобилизационной парадигмы для внутреннего потребления, ни интегративным концептом для внешней политики.

Выборка материалов сформирована по "круглым датам" и ключевым годам. Как правило, это пятилетия независимости, первые годы после дезинтеграции СССР, а также последующие значимые годы в жизни государств. Жанр поздравительных выступлений политических лидеров отличается пропагандистским характером и напоминает "отчет" перед населением с экскурсом в политическую историю страны и выводом о позитивной роли независимости.

Речи президентов проанализированы с помощью качественного контент-анализа с привлечением исторического контекста. Контент-анализ проводится с учетом тем и подтем, входящих в текстах поздравительных речей в макротему "независимость", с установлением качества связи и отношений между ними, что позволяет увидеть сконструированное в политическом тексте семантическое поле понятия и сопоставить его с семантическим полем понятия "политическая независимость/суверенитет", принятого в общественных науках. Обнаруженные лакуны, "разрывы" и "различия" являются основанием для интерпретации характера концептуализации понятия "независимость" в политическом дискурсе. В совокупности с историческим контекстом они позволяют проследить динамику интерпретаций понятия "независимость/суверенитет".

Политическая независимость в общественных науках концептуализируется как "самостоятельность, суверенность государства во внутренней и внешней политической деятельности; возможность в условиях демократизации общества для различных политических сил давать собственные оценки деятельности органов власти, парламента, программ, реформ, предлагать альтернативные планы и решения социально-экономических и политических проблем. Политическая независимость должна опираться на конституционные и другие правовые основы и гарантии, учитывать международный опыт" [Халипов, Халипова 1996: 74]. Содержание этого понятия тождественно содержанию понятия "суверенитет" как в справочной литературе, так и в политическом дискурсе.

Суверенитет в ЦА понимается узко: признается лишь суверенитет государства, тогда как суверенитет личности не артикулируется. В.М. Цымбурский писал: "Все, что входит в сферу суверенитета личности, оказывается вне суверенитета режима" [Цымбурский 1993: 25]. Недостаточная артикулированность в обществе и науке событий 1991 г. открыла возможность для манипуляции и мистификации событий тех лет. Будет справедливым отметить некоторое отличие политического дискурса Кыргызстана от дискурса остальных стран региона, которое проявляется в меньшей степени мифологизации

и нарративизации и достаточно ясно выраженной позиции по отношению к историческим событиям [Kojobekova 2014]. В государствах ЦА понятие "независимость" передает идеальное представление о том, как быть независимым государством, и символизирует вечное стремление к независимости (хотя исторически она уже достигнута в 1991 г.). Независимость становится описанным Ж. Деррида "призраком", существовавшим во все времена и нарушающим темпоральность настоящего [Автономова 2011].

В результате семантика понятия размывается и становится неясно, является ли независимость категорией, концептом, конструктом, идеей, идеологемой, мифом, нарративом или чем-то еще. Возникает ряд вопросов: каковы истоки понятия "независимость" и динамика его изменений в ЦА? Кто обрел независимость и от кого? Подразумевается ли независимость от СССР? И если да, почему в политическом дискурсе актуализируется весь 4000-летний исторический процесс, а не только советский или постсоветский периоды? Мы ограничимся рассмотрением дискурсивных аспектов этих вопросов.

Проблемы независимости государств ЦА в связке с проблематикой советской и постсоветской идентичности и постколониального нациестроительства (с этническим уклоном), а также с политическим дискурсом, изоляционизмом, международными отношениями, политическим мифотворчеством и политикой памяти изучались многими учеными (см., например, [Вахабов 1961; Цымбурский 1993; Абашин 2007, 2009; Adams 2008; Рцхиладзе, Векуа 2010; Heathershow 2010; Борисов 2011; Дадабаева 2017; Даудов и др. 2018; Akchurina 2019; Филюшкин 2022] и др.). Вместе с тем авторы не проблематизируют концептуализацию понятия "независимость" и его динамику в ЦА, что важно для моделирования политической картины мира стран региона. Представляется актуальным осмысление дискурса руководителей государств ЦА в концептуализации понятия "независимость" и создании вариантов политических картин мира через поздравительные речи на День независимости.

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОВЕТСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЯ "НЕЗАВИСИМОСТЬ"

Конституция СССР от 7 октября 1977 г. в разделе III "Национально-государственное устройство СССР" содержала положения о составе, организации, функциях, правах и свободах союзных республик. Вопрос в том, как понималась "независимость" и была ли законная возможность стать независимым? Как соотносились суверенитет Союза ССР и суверенитет союзных республик?

В ст. 76 дается определение термину "союзная республика" и за ней конституционно закрепляется суверенитет: "Союзная республика – суверенное советское социалистическое государство, которое объединилось с другими советскими республиками в Союз Советских Социалистических Республик". Однако "договорная правоспособность союзных республик была ограничена предметами ведения Союза ССР (ст. 14 и 73 Конституций СССР 1936 г. и 1977 г. соответственно) – вопросы войны и мира, обороноспособности страны, монополия внешней торговли и т.д." [Кремнев 2010: 19-20]. "В этой связи представляется верным вывод о том, что в федеративных государствах федерация делит с ее составными частями именно полномочия, но не сам суверенитет". Таким образом, это был формально-юридический статус [там же: 25].

Право выхода. Согласно ст. 72, "За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР". Тем не менее до 1990-х годов отсутствовал механизм выхода. Только 3 апреля 1990 г. был принят Закон СССР "О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР" ("Закон о выходе"), который, по словам П.П. Кремнева, так и не был реализован на практике [там же: 32].

Согласно определению СССР из ст. 70, "Союз Советских Социалистических Республик – единое союзное многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма, в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик. СССР олицетворяет государственное единство советского народа, сплачивает все нации и народности в целях совместного строительства коммунизма". Очевидно, что "право выхода" понималось не как "независимость", а как прекращение принадлежности субъекта к СССР, отказ быть в составе союзных республик, а также отказ от совместного строительства коммунизма, от прав и обязанностей члена союзного государства. "Право выхода" и "независимость" не были равнозначными.

По замечанию А.М. Салмина, "Соответственно их 'право на выход' из СССР, никогда не воспринимавшееся всерьез, это в первую очередь эвфемизм ожидавшегося присоединения к той самой будущей 'Мировой Социалистической Советской Республике', о которой говорилось в преамбуле первой конституции СССР: оборотная сторона 'права на вход' соседних государств..." [Салмин 1992: 40].

В официальной советской идеологии суверенитет понимается как результат революционной борьбы. Это ленинская, философски обоснованная, реализованная свобода. В СССР ключевым понятием семантического поля понятия "суверенитет" было понятие "освобождение". Советский человек должен был быть "разотчужденным", т.е. "творцом истории и героем культуры", "субъектом социального освобождения". "Освобождение" включало в себя освобождение труда от капиталистической формы принуждения к труду, ведущего к разным формам "отчуждения" и равнодушия [Булавка-Бузгалина 2015].

Таким образом, в СССР суверенитет понимался как освобождение от 1) царской России – империалистической силы, что еще больше актуализировалось советской властью со второй половины XX в. на "советском Востоке" в период антиколониальной борьбы и освобождения стран Востока и Африки [Калиновский 2020], 2) от капитализма как эксплуатирующей и "отчуждающей" силы и 3) от религии как идеалистической и эксплуатирующей силы. Эти элементы находят свое отражение в науке, художественной литературе, искусстве и кино (включая детское) до самого роспуска СССР, поскольку, хотя они и объявлялись "пережитками", представляли угрозу государству и официальной идеологии, особенно в ЦА, где процветала теневая экономика – наряду с усилением религиозных авторитетов и братств.

Интерпретация понятия "независимость" интеллигенцией

XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза 1988 г. в Москве и принятые тогда резолюции послужили закон-

ным базисом для обсуждения разного рода идей о "перестройке" общества. В этом процессе приняли активное участие представители интеллигенции [Исхаков 2020: 120]. Можно утверждать, что именно тогда в Союзе понятие "независимость" оказалось включено в политический дискурс.

Для интеллигенции ЦА "независимость" была равнозначна "национальному возрождению", но в пределах советской парадигмы, а не антисоветской, что можно было наблюдать в других частях Союза. Как отмечает В.С. Степин, функция интеллигенции – вносить инновации в культуру, а функция власти – охранять традицию [Интеллигенция и власть... 1992].

Центральноазиатская интеллигенция критиковала центральную советскую власть в рамках советского же дискурса и ратовала за привлечение внимания к национальным языкам и культурам и в целом за ведение "настоящей" антиколониальной политики на советском Востоке. Она считала, что советские антиколониальные принципы нарушаются и это необходимо исправить [Калиновский 2020]. Этим она и отличалась от постсоветских политиков, эксплуатировавших идеи перестроечной интеллигенции в ультранационалистическом и антисоциалистическом дискурсе.

Показательным примером может служить содержание вводной статьи третьего номера ташкентского журнала "Звезда Востока" за 1993 г. Ее автор встревожен усиливающимся изоляционизмом и непродуктивностью интерпретаций суверенитета и задается актуальными для интеллигенции и эпохи вопросами: "суверенитет – это что? Неужели же культурное одиночество, на которое обрекают некоторые новоявленные политические кликуши свои народы?.. Земля, на которой мы родились и живем, предками нашими в разные годы называлась разными именами: Тураном, Мавераннахром, Дешт-и-Кипчаком, Туркестаном. Но, независимо от названия, всегда осознавалась единым и нераздельным целым". Автор призывает создать новое культурное пространство, "открытое в мир и для мира" [Джангужин 1993: 3-4]. Наступающий изоляционизм остро чувствовался интеллигенцией ЦА.

В постсоветской ЦА было предложено несколько вариантов будущего региона. Были представлены такие идеи, как "Туркестан – наш общий дом" (джадидская идея "Большого Туркестана"), "Большой Таджикистан" и "Малый Таджикистан", и др. [Абашин 2007: 195-206]. Но все они оказались неприемлемы для стран ЦА, поскольку не объединяли всех, а устанавливали доминанты в лице одной из республик. В ряду авторов, оказавших влияние на тему независимости, были Олжас Сулейменов, Чингиз Айтматов, Таласбек Асемкулов, Хамид Исмайлов, Сотим Улугзода, Рахим Эсенов, Абдулла Орипов и др. Но область их влияния ограничилась лишь узкой прослойкой политической элиты. В итоге понимание интеллигенцией "независимости" как советского "национального возрождения" в наднациональном СССР оказалось незавершенным и спектральным по содержанию. И до настоящего времени попытки продолжить дискуссию, осмыслить понятие "независимость" пресекаются властями ЦА.

Интерпретация понятия "независимость" авторами СНГ

Основанием для роспуска СССР стала не 72 статья Конституции СССР, а соглашение о создании СНГ (Беловежское соглашение) и Алма-Атинская Декларация. Договор об образовании СССР был отменен всеми его участ-

никами. Именно в Декларации (21 декабря 1991 г.) понятие независимого государства обретало свой законный статус. Здесь же перечислены цели, задачи, принципы и ценности независимых государств. Последнее предложение Декларации "С образованием Содружества Независимых Государств Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование"[2] противопоставляет Союз и Содружество, Советское и Независимое, Социалистическую Республику и Государство. Таким образом, "Советское" – это то, что противоположно "Независимому", и поэтому прекращает свое существование.

СНГ, задуманное как "дружба независимых народов"[3], выполнило в то время функцию "организации по обеспечению цивилизованного развода бывших республик СССР" [Кротов 2021: 26]. Создатели СНГ и их единомышленники оценивали Беловежское соглашение как необходимость, противники Соглашения рассматривают его как акт "государственного переворота", некоторые называют его результатом стремления к независимости от "центра" [Россия в эпоху... 2021: 202-246].

По мнению А.М. Салмина, "в 1990 г. так называемый 'парад суверенитетов', когда 'суверенными' объявили себя практически все не только союзные, но и автономные республики, почти обессмыслил само слово 'суверенитет'. В 1991 г. после попытки переворота подобной же десемантизации подверглось слово 'независимость': это произошло, когда вслед за республиками Прибалтики, Грузией и Украиной 'независимыми' объявили себя практически все союзные республики СССР" [Салмин 1992: 42].

Как пишет Ю.С. Пивоваров, "большевистская революция продолжается" и сейчас, поскольку советское прошлое не проработано и не преодолено [Пивоваров 2007: 55]. Авторы СНГ, и чуть позже президенты "независимых" государств, продолжили "большевистскую революцию", т.е. передел власти-государства. Этот своего рода "суверенитет от Союза ССР" стал хронологически третьим со времен "эпохи гласности" противопоставлением понятия "независимость" другим пониманиям суверенитета.

Интерпретации понятия "независимость" президентами стран Центральной Азии

После роспуска СССР президенты стран ЦА включились в дискурс интеллигенции о "возрождении нации в упрощенном варианте" и объявили "независимость" завершающей стадией в сложении нации, а также провозгласили конец антиколониальной борьбы. Тем самым в рамках такого антиколониального и неосоветского дискурса понятие "независимость" четвертый раз подверглось переосмыслению.

"Борьба за независимость", о которой часто говорят президенты стран ЦА, является скорее мифом. Как пишет С.Н. Абашин, "...распад СССР в 1991 г. произошел без какой-либо борьбы народов советской Центральной Азии за отделение" [Абашин 2009]. По мнению Л. Адамс, страны ЦА не представляют собой постколониальные страны в классическом понимании, когда колонии

[2] Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. Минск, 8 декабря 1991 г.

[3] Цепляев В. Геннадий Бурбулис: "Я всегда воспринимал гибель СССР как личную трагедию". *АИФ*, 07.12.2011. https://aif.ru/society/history/gennadiy_burbulis_ya_vsegda_vosprinimal_gibel_sssr_kak_lichnuyu_tragediyu (accessed 17.06.2022).

через борьбу добиваются суверенитета, поскольку в ЦА не было борьбы дважды: ни против царской России, ни против Советского Союза, и независимость была "навязана" в 1991 г. [Adams 2008: 4]. Поэтому применение постколониальной теории не дает возможности описать причинно-следственные связи слабости государств региона [Heathershow 2010: 101].

Антиколониальный дискурс достался в наследство от СССР. По словам Г.Р. Дадабаевой, "парадоксы советского нациестроительства как раз и состояли в том, что они одновременно выполняли и задачи антиколонильной направленности. ...После распада Советского Союза заданная линия продолжает существовать, лишь поменяв вектор антиколониальной направленности" [Дадабаева 2017: 44-45]. Понятие "суверенитет" в ЦА следует трактовать как неосоветское. И это естественно, если учитывать, что, по словам М. Олкотт, "Среднеазиатские республики были самыми советскими из всех во многих отношениях" [Olcott 1998: 2].

Миф является важным элементом идейного обеспечения политического процесса [Шестов 2005: 33], "наличие в политической культуре общества большого массива таких мифов свидетельствует о недемократическом характере политического режима" [Мифы политические... 2010: 151]. Если в СССР мифом служило приближение к коммунистическому обществу, то в постсоветской ЦА господствует миф о независимости как высочайшей форме исторического развития государства и общества за все время, хотя события 1991 г. для всех стран ЦА стали неожиданностью.

Курс на нациестроительство при разных президентах меняется незначительно, и если вынужден меняться, тема "независимости" не затрагивается. Традиционно в ЦА президенты – "долгожители" в политике, за исключением Кыргызстана. Президенты-преемники не склонны менять установившийся статус-кво, по крайней мере в дискурсе независимости. По словам Томохико Уямы, "Если взять Узбекистан, то мы видим, что смена руководителя внесла очень большие изменения в этой стране. Но нельзя сказать, что Узбекистан демократизируется. Мирзиёев вводит довольно много мер, которые полезны своему народу, отношениям с другими странами. Но все равно решения принимаются им самим, а не демократическими институтами"[4]. Можно с уверенностью утверждать, что сменившие предыдущего президента руководители государств ЦА не различаются в интерпретации "независимости" в своих речах, поскольку тема "независимости", по их мнению, закрыта.

ПОПЫТКИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЧЕРЕЗ НАРРАТИВЫ

Легитимация власти и концептуализация понятия "независимость" в ЦА совершаются несколькими способами: через 1) политические символы и 2) нарративы. Самый простой способ – легитимация через политические символы государства (флаг, герб, гимн), направленные на "усиление групповой идентификации, сплоченности" [Политология... 2006]. Более сложные способы легитимации включают в себя политический семиозис [Щербинин, Щербинина 2010: 14] – концептуализацию и управление коммуникацией в широком смысле. В случае неудачи и монополизации они осуществляются с помощью нарративов.

[4] Аширалиев Э. Интеллигенция и демократизация в Центральной Азии: Интервью с Томохико Уямой. *Central Asian Analytical Network*, 10.04.2018. https://www.caa-network.org/archives/12855 (accessed 29.10.2022).

Однако создание системообразующего концепта требует знания и применения специальных механизмов работы с семантикой и синтактикой. “Концептуализация рассматривается как некоторый ‘сквозной’ для разных форм познания процесс структурации знаний и возникновения разных структур представления знаний из неких минимальных концептуальных единиц. Каждый отдельный акт концептуализации представляет собой пример решения проблемы и в нем задействованы механизмы умозаключений, получения выводных данных (инференции) и другие логические операции” [Кубрякова и др. 1996: 93-94]. Несоблюдение принципа системности порождает нарратив. Таким образом, можно утверждать, что концепт (результат концептуализации) является своего рода противоположностью нарратива, его антиподом.

Политическая идеология должна строиться на политических концептах, а не на нарративах, поскольку политическая идеология – это “комплекс идей, система взглядов субъектов политики (личность, группа, класс, общество) на власть и государственное устройство, рационально-ценностная мотивация политической деятельности” [Хридочкин, Макушев 2017].

В ЦА метанарративом является нарратив о “независимости”. Метанарратив в постмодернизме представляет собой предельно широкие схемы, повествующие о пока незаконченной и нереализованной идее. “Метанарративу, как и народной сказке, присущ ‘хэппи-энд’, только располагается этот ‘хэппи-энд’ в будущем” [Маслов 2015: 151]. Вокруг него происходит сборка остальных нарративов. Как писал Ж. Бодрийяр, коммуникация страдает из-за попыток управления ею, попыток симулировать ее [Бодрийяр 2015: 111], симуляцию можно увидеть в попытках легитимизации. Нарративы и мифологемы необходимы политическим деятелям для смещения коммуникации в плоскость, где не действуют рациональные основания и нет места для критики.

Нарративы о независимости

При рассмотрении текстов поздравлений ко Дню независимости выявляется ряд нарративов, пытающихся концептуализировать понятие “независимость”. В числе самых крупных – нарративы:

1) о пространстве и времени;
2) о предках, об иноземном иге и о национальных героях и жертвах;
3) о победе в борьбе за суверенитет и возрожденных традициях.

Рассмотрим несколько примеров нарративов, концептуализирующих, по мнению президентов, понятие “независимость” для своей аудитории. Различия в исторических образах и именах не представляются важными, поскольку они в речах президентов используются лишь как символы-функции.

1) Нарратив о пространстве и времени

Нарративы о пространстве. В постсоветских странах ЦА, возможно, из-за особенностей территориального размежевания и других исторических событий, идентификация носит экстерриториальный характер (от текущих международных границ до мифических территорий обитания “нации” в древности). Поэтому нарратив о пространстве охватывает как реальные, так и воображаемые пространства, которые включают всю евразийскую степь, тюркский каганат, ханства, памятники культуры, Новый Узбекистан, Новый Казахстан и т.д. Нарративы “Наша древняя земля”, “священная Родина” и “великие предки” мифологизируют и мистифицируют понятие “независимость”. Показательным

примером является цитата из поздравления президента Туркменистана в 2011 г., которая применима к нарративам всей ЦА о независимости: “На пороге третьего тысячелетия туркменский народ осуществил свою заветную мечту, которую он вынашивал в течение многих веков, – стал полноправным хозяином своей щедрой священной земли, высоких гор, быстрых рек, бескрайних степей, родных городов и сел, где свободно жили его славные предки”[5].

Наблюдается также этнократичность, связанная с географическим и культурным пространством, чаще всего встречающаяся в речах президента Таджикистана, например: “Да будут вечными мир и спокойствие, политическая стабильность и национальное единство для славного, являющегося творцом цивилизации, народа Таджикистана!”[6].

Нарративы о времени. Назначение дат, в которые Верховными Советами республик были приняты “Акты о провозглашении независимости”, в качестве праздничных, является началом нарратива о независимости. Эти даты сакрализируются, нередко называются священными, историческими, днями рождения и т.д. Нарратив о хронологии государственности мифологизирован, а через нее мифологизируется и существующая власть. В языке нарратив о времени отражается в таких сочетаниях, как “многовековая борьба”, “тридцать веков”, “тысячи лет”, “эпоха нового Возрождения” и др. Например, слова президента Ш. Мирзиёева: “на протяжении столетий заветной мечтой нашего народа была свободная жизнь в справедливом обществе”[7].

К датам отсылают, когда хотят подчеркнуть простительность ошибок, упоминая юный возраст государственности – хотя в том же тексте может встретиться обратное утверждение о древности государственности, как в словах бывшего президента Н. Назарбаева: “5 лет независимости – слишком короткая дистанция... Независимость Казахстана ‘писалась’ не с чистого листа, а имеет древние традиции”; “почти 1,5 тысячи лет назад тюрки создали первое великое государство – Тюркский каганат”[8].

Но: “По-настоящему независимый Кыргызстан мы начинаем строить только сейчас. Кыргызстан не такая уж и юная страна, уже 21 год, – в таком возрасте пора созидать и строить!”[9]. Необходимо отметить, что Кыргызстан использует нарративы для мистификации понятия “независимость” в наименьшей степени среди всех государств Центральной Азии.

---

[5] Президент Гурбангулы Бердымухамедов поздравил туркменистанцев с 20-летним юбилеем независимости страны. *Золотой век*, 27.10.2011. https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/15850/prezident-gurbanguly-berdymukhamedov-pozdravil-turkmenistantsev-s-20-letnim-yubileem-nezavisimosti-strany (accessed 05.05.2022).

[6] Речь в “Наврузгохе” города Душанбе в честь 30-летия Государственной независимости. *Пресс-служба Президента Таджикистана*, 09.09.2021. http://president.tj/ru/node/26506 (accessed 06.05.2022).

[7] Выступление Президента Шавката Мирзиёева на церемонии, посвященной 30-летию независимости Узбекистана. *Review.uz*, 31.08.2021. https://review.uz/post/vstuplenie-prezidenta-shavkata-mirziyoyeva-na-ceremonii-posvyashennoy-30-letiyu-nezavisimosti-uzbekistana (accessed 03.05.2022).

[8] Выступление на торжественном собрании по случаю 5-летия независимости Республики Казахстан “Независимость Казахстана: уроки истории и современность”. *Хроника деятельности Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы Нурсултан Назарбаев*, 16.12.1996. https://chronicle.elbasy.kz/ru/1996/?sdc&performances&p=15 (accessed 07.05.2022).

[9] Президент Кыргызской Республики Алмазбек Атамбаев поздравил кыргызстанцев с Днем независимости Кыргызской Республики. *Официальный сайт Президента Кыргызской Республики*, 30.08.2012. http://www.president.kg/ru/sobytiya/novosti/663_prezident_kirgizskoy_respubliki_almazbek_atambaev_pozdravil_kirgizstancev_s_dnem_nezavisimosti_kirgizskoy_respubliki (accessed 05.05.2022).

2) Нарратив о предках, об иноземных завоевателях и о национальных героях

Нарратив о предках, иноземном иге и героях служит легитимации властей ЦА как прямых потомков и продолжателей их замыслов и мечтаний, несмотря ни на какие исторические события. Легитимация устанавливается через идентификацию нынешних правящих элит с "народом", правителями и героями всех времен до нынешнего времени. Например, бывший президент Н. Назарбаев так говорил о независимости: "эту дорогу начали прокладывать наши великие предки"[10].

Нарратив о национальных героях и жертвах, связанных со всеми видами борьбы, начиная с Александра Македонского и заканчивая 1991 г., служит легитимации через идентификацию с историческими лицами, древними народами и расами. По словам президента Э. Рахмона, "Борьба, которую в нашей истории олицетворяют такие выдающиеся люди, как Спитамен, Муканна, Шерак, Исмоил Сомони, Темурмалик, Восеъ и многие другие, была направлена именно на рост самосознания, отстаивание человеческого и национального достоинства"[11], "Каждый достойный представитель нации должен знать, что наши предки – согдийцы и бактрийцы – являются потомками арийского рода"[12].

Вклад предков, по словам президента С. Жапарова, велик: "Мы никогда не забудем, что поколение наших предков, таких как Курманбек, Эр Табылды, Эр Солтоной, пожертвовали своими жизнями за свободу народа. ...Сегодняшняя независимость в некоторой степени является результатом политики наших предков, таких как Абдыкерим Сыдыков, Иманалы Айдарбеков, Абдыкадыр Орозбеков, Жусуп Абдрахманов, основавших государственность в 20 веке. Исхак Раззаков, Турдакун Усубалиев и другие внесли большой вклад в становление нации!"[13] Или слова бывшего президента И. Каримова: "Сегодняшний праздник – свидетельство того, что нас вдохновлял и поддерживал в этой борьбе дух наших славных предков, великих мыслителей имама Бухари, Ат-Термези, Ахмада Яссави, Амира Темура, Алишера Навои..."[14]

Нарратив президента Ш. Мирзиёева о внешних силах: "Никакое иноземное иго и насилие не смогли сломить народ в его благородном стремлении к свободе. Об этом свидетельствует вся наша древняя история"[15].

[10] Выступление на торжественном собрании по случаю 10-летия независимости Республики Казахстан "Десять лет, равные столетию". *Хроника деятельности Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы*, 16.12.2001. https://clck.ru/32XCnQ (accessed 07.05.2022).

[11] Выступление на торжественном собрании, посвященном Дню независимости. *Пресс-служба Президента Таджикистана*, 08.09.1996. http://president.tj/ru/node/1098 (accessed 06.05.2022).

[12] Речь на торжественном заседании, посвященном 15-летию государственной независимости Республики Таджикистан и празднованию Года арийской цивилизации. *Пресс-служба Президента Таджикистана*, 08.09.2006. http://president.tj/ru/node/1386 (accessed 06.05.2022).

[13] Президент Садыр Жапаров: мы хотим сделать Кыргызстан стабильной, многонациональной страной, где каждый гражданин чувствует себя счастливым и защищенным. Официальный сайт Президента Кыргызской Республики, 31.08.2021. https://clck.ru/32XCoM (accessed 05.05.2022).

[14] Выступление Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова на торжествах, посвященных первой годовщине независимости республики. *Общественно-политическая газета Республики Узбекистан "Правда Востока"*, 01.09.1992. №130 (22850).

[15] Выступление Президента Шавката Мирзиёева на церемонии, посвященной 30-летию независимости Узбекистана. *Информационно-аналитический портал Review.uz*, 31.08.2021. https://review.uz/post/vstuplenie-prezidenta-shavkata-mirziyoyeva-na-ceremonii-posvyashennoy-30-letiyu-nezavisimosti-uzbekistana (accessed 03.05.2022).

Выбивается из общего нарратива ЦА о роли России в судьбах стран региона политический дискурс Кыргызстана: “Стремление сохранить независимость привело киргизов к установлению дружеских взаимоотношений с Российской империей. И, несмотря на тяготы тех непростых времен, нам удалось сохранить язык, самобытную культуру, территориальную целостность, без коих немыслимо само существование нации. Россия многое нам дала и в советскую эпоху, и мы полны признательности этой братской стране, оказавшей неоценимую помощь в деле приобретения своей государственной независимости”[16]. Это контрастирует с тем, что сказал бывший президент И. Каримов всего лишь пять лет спустя после роспуска СССР: “Пять лет назад, сбросив цепи прежнего колониального и тоталитарного режима, мы твердо решили строить свободное общество...”[17]

Интересно отметить, что легитимация через высшие духовные силы с начала постсоветского периода наблюдается только в речах бывшего президента Узбекистана И. Каримова. Он, начиная с 1992 г., регулярно упоминает Бога: “Храни и укрепи, Боже, нашу независимость”[18]; “Пусть Всевышний всегда поддерживает нас во всех добрых делах и начинаниях!”[19] Президент Ш. Мирзиёев в поздравительных речах также упомянул: “Пусть Всевышний оградит нас от всех невзгод!”[20]

Попытка легитимации власти может происходить также через символическое установление родственных отношений, например: “Никогда не сворачивайте с избранного пути, мои дорогие дети!”;[21] “Мой родной народ!”[22]. “Мои дети”, “Мой народ” – отсылка к символическим родственным отношениям политического деятеля и его аудитории.

3) Нарратив о победе и достижениях, возрожденных традициях

Конструкт “Победа” является всеобщим для ЦА. В остальном наблюдаются расхождения. Если в РФ героическим политическим мономифом является праздник Победы 1945 г., “который придает конфигурацию конструктам коллективной памяти о Победе” [Щербинин, Щербинина 2010: 14], то в ЦА это

[16] Президент Киргизии поздравил народ республики с Днем Независимости. *ИА REGNUM*, 31.08.2006. https://regnum.ru/news/society/697545.html (accessed 05.05.2022).

[17] Поздравительное слово Президента Ислама Каримова на торжествах, посвященных пятой годовщине независимости Узбекистана. *Народное слово*, 01.09.1996. №175 (1436).

[18] Выступление Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова на торжествах, посвященных первой годовщине независимости республики. *Правда Востока*, 01.09.1992. №130 (22850).

[19] Праздничное поздравление народу Узбекистана в связи с 25-летием государственной независимости Республики Узбекистан. *Ўзбекистон Миллий ахборот агентлиги*, 31.08.2016. https://uza.uz/posts/120325 (accessed 03.05.2022).

[20] Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на торжественном собрании, посвященном 29-й годовщине независимости Республики Узбекистан. *Ўзбекистон Миллий ахборот агентлиги*, 31.08.2020. https://uza.uz/ru/posts/vystuplenie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziye-31-08-2020 (accessed 03.05.2022).

[21] Независимость Родины – источник нашей силы и вдохновения, основа благополучия и процветания. Выступление Президента Шавката Мирзиёева на торжественной церемонии, посвященной 30-летию государственной независимости Республики Узбекистан. *Ўзбекистон Миллий ахборот агентлиги*, 31.08.2021. https://uza.uz/ru/posts/nezavisimost-rodiny-istochnik-nashey-sily-i-vdoxnoveniya-osnova-blagopoluchiya-i-procvetaniya_298192 (accessed 03.05.2022).

[22] Народу независимого нейтрального Туркменистана. *Золотой век*, 27.09.2021. https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/57345/narodu-nezavisimogo-nejtralnogo-turkmenistana-2 (accessed 05.05.2022).

мономиф о Победе-Независимости 1991 г., хотя память о победе над фашизмом также занимает значимое место. Это согласуется со словами П. Рикера о том, что "...замкнутость рассказа ставится на службу идентифицирующей замкнутости сообщества" [Рикер 2004: 125]. Нарратив о достижениях мифологизирует понятие "независимость" как величайший дар и универсальное средство от всех политических, экономических и социальных проблем: "О наших впечатляющих успехах в государственном строительстве, повышении благосостояния народа убедительно говорят конкретные цифры и факты"[23] (К.-Ж. Токаев); "...благодаря независимости мы достигли небывалых политических и культурных успехов" [24] (Э. Рахмон); "За минувшее тридцатилетие была проделана колоссальная по масштабам работа, достигнут значительный прогресс во всех сферах" [25] (Г. Бердымухамедов).

Схожий нарратив использовали И. Каримов ("Самый верный путь, всесторонне оправдавший себя за двадцать лет новейшей истории нашей страны и получивший широкое признание в мире как 'узбекская модель' реформ"[26]) и Ш. Мирзиёев ("мы можем с гордостью сказать, что, став хозяевами своей судьбы, за исторически короткий период достигли огромных успехов..."[27]).

Наиболее реалистичным смотрится нарратив Кыргызстана: "Сейчас у нас формируется сильное общество, которое уже не позволит кому-либо узурпировать власть, требует справедливого государственного и общественного устройства. И это дает нам надежду на будущее"[28].

Таким образом, следует отметить:

1) Разрыв и несовпадение понятия "независимость" и нарративов о "независимости". Президенты стран ЦА занимаются не концептуализацией, а нарративизацией понятия "независимость" и в целом политической реальности. Формируется коллажное мышление, когда актуализируется все одновременно: предки, СССР, современность, великое будущее, "новый Казахстан", "новый Узбекистан", демократия, ислам, арийцы, арабские/монгольские и др. завоеватели, и т.д.

[23] Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на торжественном собрании по случаю 30-летия Независимости Республики Казахстан. *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*, 16.12.2021. https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-torzhestvennom-sobranii-po-sluchayu-30-letiya-nezavisimosti-respubliki-kazahstan-151155 (accessed 07.05.2022).

[24] Речь на торжественном заседании, посвященном 15-летию государственной независимости Республики Таджикистан и празднованию Года арийской цивилизации. *Пресс-служба Президента Таджикистана*, 08.09.2006. http://president.tj/ru/node/1386 (accessed 06.05.2022).

[25] Народу независимого нейтрального Туркменистана. *Золотой век*, 27.09.2021. https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/57345/narodu-nezavisimogo-nejtralnogo-turkmenistana-2 (accessed 05.05.2022).

[26] Выступление Президента Ислама Каримова на торжествах, посвященных 20-летию независимости Республики Узбекистан. *ИАЦ МГУ*, 04.09.2011. https://ia-centr.ru/publications/11463/ (accessed 03.05.2022).

[27] Выступление Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева на торжествах, посвященных празднованию 26-летия независимости Республики Узбекистан. *Ўзбекистон Миллий ахборот агентлиги*, 31.08.2017. https://uza.uz/ru/posts/vystuplenie-prezidenta-uzbekistana-shavkata-mirziyeeva-a-to-31-08-2017 (accessed 03.05.2022).

[28] Президент Кыргызской Республики Алмазбек Атамбаев поздравил кыргызстанцев с Днем независимости Кыргызской Республики. *Официальный сайт Президента Кыргызской Республики*, 30.08.2012. https://www.president.kg/ru/sobytiya/novosti/663_prezident_kirgizskoy_respubliki_almazbek_atambaev_pozdravil_kirgizstancev_s_dnem_nezavisimosti_kirgizskoy_respubliki (accessed 05.05.2022).

2) Позитивная программа "независимости" весьма слабо представлена, поскольку образ будущего также неясный.

3) Исходя из президентских нарративов, история статична и не развивалась – она прерывалась путем введения извне "чужой" динамики (понимающейся негативно), которая нарушала свою статику (понимающуюся позитивно).

Заключение

Динамика развития интерпретации понятия независимости / суверенитета прослеживается на четырех этапах: (1) в СССР, по крайней мере в советской ЦА: суверенитет *vs* царская колониальная Россия, религия, капитализм; (2) в СНГ: суверенитет *vs* СССР; (3) перестроечная интеллигенция ЦА: советский национальный суверенитет *vs* наднациональный СССР; (4) в постсоветской ЦА: суверенитет *vs* вся история (4 000 лет прошлого, настоящее и будущее).

Понятие "независимость" в ЦА по-прежнему нуждается в концептуализации, поскольку через нарративы не обрело системного понимания. Не состоялась онтологизация термина: понятие не было определено через его существенные признаки и проявления в политической жизни общества постсоветской ЦА. Не были артикулированы в обществе и науке причины и следствия событий 1991 г. Концептуализация возможна только через реализацию семантики данного понятия, иначе оно становится бессмысленным и порождает бессмыслие.

Возможным решением может выступать создание условий для актуализации понятия "независимость" через трактовки, альтернативные клановым, для того чтобы через концептуализацию повысить мобилизационный и интеграционный потенциал понятия и в целом региона.

DOI: 10.17976/jpps/2023.03.06

THE NOTION OF "INDEPENDENCE" IN THE OFFICIAL SPEECHES OF CENTRAL ASIA PRESIDENTS

A.A. Alimdzhanov[1]

[1] *St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russia*

ALIMDZHANOV, Abduaziz Abdikhakimovich, Cand. Sci. (Philology), senior lecturer, St. Petersburg State University, email: ffortunatov@mail.ru

Alimdzhanov, A.A. (2023). The notion of "independence" in the official speeches of Central Asia presidents. *Polis. Political Studies*, 3, 70-85. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.06

Received: 07.07.2022. Accepted: 15.11.2022

Abstract. "Independence", being a philosophical category, acquires concretization in political science and political discourse when it is binded to the notion of "sovereignty". Using the example of the post-Soviet countries of Central Asia, the author examines the dynamics of the change in the notion of "independence" and attempts to conceptualize it. The study considers the speeches of the presidents of the Central Asian republics on Independence Day. The purpose of these speeches is to "explain" the meaning of "independence" to the people. The speeches of the presidents are analyzed using qualitative content analysis taking into account the historical context. The working hypothesis is that the mobilization and integration potential of the notion of "independence" is leveled by the narrativization of the notion. In the article, the historical and legal starting point for the development of the notion of "independence" is 1) the Soviet understanding of "sovereignty" and the Constitution of the USSR. The dynamics of attempts to comprehend and conceptualize the notion 2) by the intelligentsia in

perestroika times, 3) by the authors of the CIS in 1991, who radicalized the notion, and 4) the post-Soviet official "presidential" understanding and interpretation are examined step by step. The author comes to the conclusion that the notion of "independence" still needs to be conceptualized, since it has not gained a systematic understanding through existing narratives. The notion has not yet been defined by considering its essential features and its manifestations in the political life of the society of post-Soviet Central Asia (i.e., no ontologization of the term has been carried out). The causes and consequences of the events of 1991 were not articulated in society and by academics in Central Asia.

Keywords: independence, sovereignty, political discourse, narrative, mythologization, conceptualization, mobilization and integration potential of Central Asia.

References

Adams, L. (2008). Can we apply a postcolonial theory to Central Asia? *Central Asian Studies Review*, 7(1), 2-8.

Akchurina, V. (2019). the incomplete state: re-conceptualizing state and society relations in Central Asia. In Isaacs, R., & Frigerio, A. (Ed.), *Theorizing Central Asian Politics. International Political Theory* (pp. 263-283). Cham: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-319-97355-5_12

Heathershow, J. (2010). Central Asian statehood in post-colonial perspective. *Stable outside, fragile inside? In Post-Soviet Statehood in Central Asia* (pp. 87-106). 1st ed. Farnham, Surrey: Ashgate.

Kojobekova, A. (2014). The discourses of romanticism and heroism in the post-Soviet Kyrgyzstan. *International Journal of Social Science and Humanity*, 4(5), 397-404. https://doi.org/10.7763/IJSSH.2014.V4.386

Olcott, M.B. (1998). Central Asia: confronting independence. The James A. Baker III Institute for Public Policy of Rice University.

Abashin, S.N. (2007). Natsionalizmy v Srednei Azii: v poiskakh identichnosti [Nationalisms in Central Asia: in search of identity]. Saint Petersburg: Aletheia. (In Russ.)

Abashin, S.N. (2009). Mustakillik and the memory of the imperial past: walking the halls of the Tashkent Museum of repression victims' memory. *Neprikosnovennyi zapas*, 4(66), 37-54.

Avtonomova, N.S. (2011). To the question of ghosts: Marx, Derrida and Others. *Politico-Philosophical Yearbook*, 4, 134-154. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Baudrillard, J. (2015). Simulacres et simulation. (Russ. ed.: Baudrillard, J. Simulyakry i simulyatsiya. Moscow: Ripol-klassik).

Besedina, N.A. (2010). Methodological aspects of modern cognitive researches in linguistics. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 20(91), 31-37. (In Russ.)

Borisov, N. (2011). The institution of presidency in the Central Asian countries: personalization vs. institutionalization. *Central Asia and the Caucasus*, 14(4), 65-75. (In Russ.)

Bulavka-Buzgalina, L.A. (2015). The USSR is an unfinished project. *Razvitie i ekonomika*, 14, 108-121. (In Russ.)

Dadabaeva, G.R. (2017). Natsiestroitel'stvo v Tsentral'noi Azii: ot sovetskikh natsii k postsovetskim natsiyam-gosudarstvam [Nation-building in Central Asia: from Soviet nations to post-Soviet nation-states]. In *Sovremennaya istoriya i geopolitika v Tsentral'noi Azii* [Modern history and geopolitics in Central Asia] (pp. 44-45). Almaty: Қазақ universiteti. (In Russ.)

Daudov, A.Kh., Alimdzhanov, B.A., Andreev, A.A., Shorokhov, V.A., & Yanchenko, D.G. (2018). The state policy of identity in Uzbekistan during the late Soviet period and the age of independence. *Etnograficheskoe obozrenie*, 5, 146-161. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S086954150001481-9

Dzhanguzhin, R. (1993). Introduction. *Zvezda Vostoka,* 3, 3-4. (In Russ.)

Filyushkin, A.I. (2022). Why in the modern world the future is replaced by the past: Is history coming back? *Journal of International Analytics*, 13(3), 16-29. (In Russ.) https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-16-29

Intellectuals and Authority. (1992). Round table of "Polis" journal. *Polis. Political Studies*, 3, 72-85. (In Russ.)

Iskhakov, S.M. (2020). The Politburo's policy in Central Asia (1982-1991). *Istoricheskii vestnik*, 32, 112-157. (In Russ.) https://doi.org/10.35549/HR.2020.2020.32.006

Kalashnikov, V.V., & Men'shikova, D.N. (Ed.). (2021). Rossiya v epokhu revolyutsii i reform. Demontazh SSSR: 1991 god [Russia in the age of revolutions and reforms. Dismantling the USSR: 1991]. Saint Petersburg: LETI. (In Russ.)

Kalinovsky, A.M. (2020). Conscripts of Socialism? The Tajik intelligentsia and Soviet-style decolonization. *New Literary Observer*, 1(161), 140-156. (In Russ.)

Khalipov, V.F., & Khalipova, E.V. (1996). Nezavisimost' politicheskaya [Political independence]. In *Vlast'. Politika. Gosudarstvennaya sluzhba: Slovar'* [Power. Politics. Public service: dictionary] (p. 74). Moscow: Luch. (In Russ.)

Khridochkin, A.V., & Makushev, P.V. (2017). Politicheskaya ideologiya [Political ideology]. In *Mezhdunarodnoe pravo. Slovar'-spravochnik* [International law. Reference dictionary]. Moscow: Prometei. (In Russ.)

Kremnev, P.P. (2010). Mezhdunarodno-pravovye problemy, svyazannye s raspadom SSSR [International legal problems related to the collapse of the USSR]. Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Law. Moscow: RUDN. (In Russ.)

Krotov, M.I. (2021). From the Belovezhskiye agreements to the Eurasian Economic Union: 30 years of experience. *Eurasian integration: economics, law, politics*, 15(3), 22-34. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-03-22-34

Kubryakova, E.S., Dem'yankov, V.Z., Pankrats, Yu.G., & Luzina, L.G. (1996). Kratkii slovar' kognitivnykh terminov [A brief glossary of cognitive terms]. Moscow: MSU Publ. (In Russ.)

Maslov, E.S. (2015). Conception "meta-narrative" by Jean-François lyotard in the context of narratology. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2-2(52), 150-152. (In Russ.)

Pivovarov, Yu.S. (2007). The sources and the essence of the Russian Revolution. *Polis. Political Studies,* 5, 35-55. (In Russ.). https://doi.org/10.17976/jpps/2007.05.04

Pogorelyi, D.E., Fesenko, V.Yu., & Filippov, K.F. (Ed.). (2010). Mify politicheskie [Political myths]. In *Noveishii politologicheskii slovar'* [The newest dictionary of political science] (pp. 150-151). Rostov-na-Donu: Phoenix. (In Russ.)

Politologiya [Political science]. In Yu.Yu. Petrunin (Ed.), *Slovar' po obshchestvoznaniyu* [Social studies dictionary] (pp. 217-277). 3rd ed. Moscow: KDU. (In Russ.)

Ricœur, P. (2004). La mémoire, l'histoire, l'oubli. (Russ. ed.: Ricœur, P. Pamyat', istoriya, zabvenie. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury).

Rtskhiladze, G., & Vekua, G. (2010). The post-Soviet expanse: ideological aspect of geopolitical expansion. *Central Asia and the Caucasus*, 13(2), 157-166. (In Russ.)

Salmin, A.M. (1992), A union after the Union. Problems of settling national and state relations in the former USSR. *Polis. Political Studies*, 1-2, 34. (In Russ.)

Scherbinin, A.I., & Scherbinina, N.G. (2010). Political construct victory in the context of phenomenon nostalgia for the Soviet. *Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology and Political Science*, 3, 7-23. (In Russ.)

Shestov, N.I. (2005). Politicheskii mif teper' i prezhde [The political myth now and before]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. (In Russ.)

Tzymbursky, V.L. (1993). Routes of liberalism in Russia. *Polis. Political Studies*, 1, 17-30. (In Russ.)

Vakhabov, M.G. (1961). Formirovanie uzbekskoi sotsialisticheskoi natsii [The formation of the Uzbek socialist nation]. Tashkent: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Uzbekskoi SSR. (In Russ.)

Литература на русском языке

Абашин С.Н. 2007. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. Санкт-Петербург: Алетейя. EDN: PBZSEV.

Абашин С.Н. 2009. Мустакиллик и память об имперском прошлом: проходя по залам ташкентского Музея памяти жертв репрессий. *Неприкосновенный запас*. Т. 4. № 66. С. 37-54. EDN: RIQZGH.

Автономова Н.С. 2011. К вопросу о призраках: Маркс, Деррида и другие. *Политико-философский ежегодник*. Вып. 4. М.: Институт философии Российской академии наук. С. 134-154. EDN: QOAEXH.

Беседина Н.А. 2010. Методологические аспекты современных когнитивных исследований в лингвистике. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. Т. 20. № 91. С. 31-37. EDN: NDAUJT.

Бодрийяр Ж. 2015. Симулякры и симуляция. М.: Рипол-классик.

Борисов Н. 2011. Институт президентства в странах Центральной Азии: персонализация vs. институционализация. *Центральная Азия и Кавказ*. Т. 14. № 4. С. 65-75. EDN: PYGKMR.

Булавка-Бузгалина Л.А. 2015. СССР – незавершенный проект. *Развитие и экономика*. № 14. С. 108-121.

Вахабов М.Г. 1961. Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент: Государственное издательство Узбекской ССР.

Дадабаева Г.Р. 2017. Нациестроительство в Центральной Азии: от советских наций к постсоветским нациям-государствам. *Современная история и геополитика в Центральной Азии*. Алматы, "Қазақ университеті". С. 44-45. EDN: ZNCAAJ.

Даудов А.Х., Алимджанов Б.А., Андреев А.А., Шорохов В.А., Янченко Д.Г. 2018. Государственная политика идентичности в Узбекистане в позднесоветское время и эпоху независимости. *Этнографическое обозрение*. № 5. С. 146-161. https://doi.org/10.31857/S086954150001481-9. EDN: YXIDGX.

Джангужин Р. 1993. Введение. *Звезда Востока*. № 3. С. 3-4.

Интеллигенция и власть. Круглый стол журнала "ПОЛИС". 1992. *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 72-85. EDN: EQVPJH.

Исхаков С.М. 2020. Политика Политбюро ЦК КПСС в Центральной Азии (1982-1991). *Исторический вестник*. Т. 32. С. 112-157. https://doi.org/10.35549/HR.2020.2020.32.006 EDN: NZCOZP.

Калиновский А.М. 2020. Призывники социализма: таджикская интеллигенция и деколонизация по-советски. *Новое литературное обозрение*. Т. 1. № 161. С. 140-156. EDN: WFFONZ.

Кремнев П.П. 2010. Международно-правовые проблемы, связанные с распадом СССР. Автореферат на соискание ученой степени доктора юридических наук. М.: РУДН. EDN: QGWKTL.

Кротов М.И. 2021. От Беловежских соглашений до Евразийского экономического союза: опыт тридцатилетия. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. Т. 15. № 3. С. 22-34. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-03-22-34. EDN: ORIDXB.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. 1996. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Издательство Московского государственного университета. EDN: OGVICE.

Маслов Е.С. 2015. Понятие "метанарратив" Ж.-Ф. Лиотара в контексте нарратологии. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики*. №-2-2. Т. 52. С. 150-152. EDN: TFNSWH.

Мифы политические. *Новейший политологический словарь*. 2010. Сост.: Д.Е. Погорелый, В.Ю. Фесенко, К.Ф. Филиппов. Ростов-на-Дону: Феникс. С. 150-151.

Пивоваров Ю.С. 2007. Истоки и смысл русской революции. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 35-55. https://doi.org/10.17976/jpps/2007.05.04. EDN: JUIVUL.

Политология. Словарь по обществознанию. 2006. 3-е изд. Под ред. Ю.Ю. Петрунина. М.: Издательство "КДУ". С. 217-277.

Рикер П. 2004. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы. EDN: QWGQRR.

Россия в эпоху революций и реформ. Демонтаж СССР: 1991 год. 2021. Под ред. В.В. Калашникова, Д.Н. Меньшиковой. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ "ЛЭТИ".

Рцхиладзе Г., Векуа Г. 2010. Постсоветское пространство как объект геополитической экспансии: идеологический аспект. *Центральная Азия и Кавказ*. № 13(2). С. 157-166. EDN: PXKAAB.

Салмин А.М. 1992. Союз после Союза: проблемы упорядочения национально-государственных отношений в бывшем СССР. *Полис. Политические исследования*. № 1-2. С. 34. EDN: EQVPEH.

Филюшкин А.И. 2022. Почему в современном мире будущее заменяют прошлым: история возвращается? *Международная аналитика*. Т. 12. № 3. С. 16-29. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-16-29. EDN: QUSJRM.

Халипов В.Ф., Халипова Е.В. 1996. Независимость политическая. *Власть. Политика. Государственная служба: Словарь*. С. 74. М.: Луч.

Хридочкин А.В., Макушев П.В. 2017. Политическая идеология. *Международное право. Словарь-справочник*. М.: Прометей.

Цымбурский В.М. 1993. Идея суверенитета в посттоталитарном контексте. *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 17-30. EDN: EQVPSD.

Шестов Н.И. 2005. Политический миф теперь и прежде. Под ред. А.И. Демидова. Саратов: Издательство Саратовского университета. EDN: QOCHZP.

Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. 2010. Политический конструкт "Победа" в контексте феномена ностальгии по советскому. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 3. С. 7-23. EDN: NEJNVT.